

**Изъ прошлаго Кіевскаго университета и студенческой жизни.
(1870—1875 г.).**

Нереживаемый нынѣ нами и нашими дѣтьми революціонный періодъ университетской жизни, рѣзко вспыхнувшій въ 1905 г. и тлѣющій до сихъ поръ, невольно обращаетъ свой взоръ къ прошлому университетской жизни, къ порѣ идеалистическаго настроенія учащейся молодежи, чуждавшейся всякихъ активныхъ, антиправительственныхъ выступленій. Въ общемъ „революціонномъ университетскомъ круговоротѣ“ въ скорбные дни нашей внутренней смуты немалую роль сыгралъ и университетъ Кіевскій, и это обстоятельство навело меня на мысль воспроизвести въ памяти пережитое время своего студенчества, начала 70-хъ годовъ, и печатно подѣлиться своими воспоминаніями о родной „alma mater“ съ читателями и товарищами, ряды которыхъ, увы, съ каждымъ годомъ все рѣдѣютъ и рѣдѣютъ...

Оговариваюсь, что въ задачу предлагаемыхъ замѣтокъ не входили соображенія автобіографическаго свойства, или тенденціознаго характера: вся цѣль замѣтокъ по возможности объективно изложить факты изъ университетской жизни, изъ жизни бытовой и школьной кіевскаго студенчества и профессуры за указанный выше періодъ времени.

Г л а в а I.

Первыя впечатлѣнія.

Если время сороковыхъ годовъ совершенно правильно признають временемъ расцвѣта философскаго и эстетическаго идеализма въ образованномъ классѣ общества и въ литературѣ, то начало 70-хъ годовъ съ такой же правильностью слѣдуетъ признать временемъ расцвѣта общественно-культурныхъ и научныхъ идеаловъ, выдвинутыхъ на первый планъ публицистической 60-хъ г.г. и великими реформами Императора Александра II. Общество, подготовленное до шестидесятыхъ годовъ къ сознанию необходимости преобразования условій общественныхъ, экономическихъ и правовыхъ сторонъ жизни русскаго народа, съ 1861 г. получаетъ отъ Великаго Преобразователя Россіи цѣлый рядъ величайшихъ государственныхъ соціально-экономическихъ актовъ во главѣ съ самымъ важнымъ изъ нихъ—актомъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Вслѣдъ за этимъ важнѣйшимъ актомъ для строя нашей народной жизни послѣдовали въ извѣстной постепенности и другія — не менѣе важныя реформы, обнимавшія многостороннія сферы общечеловѣческой культуры, какъ-то: судебная реформа, университетская, печати, земскаго и городского самоуправленій. До 70-хъ годовъ упомянутыя реформы были уже большею частью практически осуществлены; но объ нихъ еще не переставали говорить какъ въ обществѣ, такъ и въ текущей періодической печати, не переставали обсуждать значеніе вновь реформированнаго порядка вещей въ разнообразныхъ его проявленіяхъ. Теченіе общественной мысли, воздѣйствіе печати обусловливались, въ свою очередь, совокупностью вліяній вновь реформированнаго строя жизни русскаго народа; нарождались новыя, идеальныя требованія въ духѣ времени, и эти-то идеалы наполняли головы молодежи 70-хъ годовъ, и какъ тогдашняя молодежь далека была отъ разной „Арцыбашевщины“ и „Горьковскаго бослчества“. Конечно, и здѣсь не обходилось безъ крайностей; но крайности идеализма, выродившіяся, къ сожалѣнію, и въ сторону крайнихъ соціальныхъ ученій, не исключаютъ общаго правила. Такимъ образомъ, поступленію молодежи въ университетъ, въ это время, предшествовала нѣкоторая подготовка на почвѣ идеаловъ 60-хъ годовъ: съ идеальными же требованіями и я вступилъ въ университетъ, имѣя о „храмѣ науки“ самое возвышенное представленіе. Казалось намъ всѣмъ, что дорогая *alma mater* разъяснить, дополнить и приведетъ въ систему всѣ тѣ идеи, которыя такъ безпорядочно бродили

въ головѣ, подѣ вліяніемъ великихъ актовъ преобразовательной эпохи и такъ волновали молодое сердце, готовое беззавѣтно и безкорыстно отдаться всему возвышенному, гуманному и доброму. Какъ теперь помнится, съ чувствами большой радости и какого-то неуловимаго душевнаго волненія пришлось намъ впервые переступить порогъ университета. Сознаніе полной личной свободы, свободы въ распоряженіи временемъ для научныхъ занятій, отсутствіе внѣшняго контроля и надзора за тобой, непринужденность и оживленность студенческой „болтовни“, шумная большая и веселая толпа молодежи, собравшейся въ передней, корридорахъ, аудиторіяхъ и библіотекѣ, все это не могло не волновать и особенно хорошо бодрить 18-лѣтняго юношу. Занимали насъ и новыя товарищескія знакомства, любопытство подталкивало скорѣе спѣшить на лекціи, чтобы услышать живое слово профессора, получить ясный отвѣтъ на цѣлый рядъ запросовъ молодого ума...

По соблюденіи разныхъ формальностей и по зачисленіи въ студенты юридическаго факультета, мнѣ съ перваго же дня захотѣлось исправно посѣщать лекціи. Первую лекцію пришлось слушать по римскому праву профессора К. Митюкова (умеръ): представительная фигура лектора, съ классическимъ профилемъ лица, съ немного суровымъ его выраженіемъ, ясная и отчетливая дикція, величественная жестикуляція производятъ самое пріятное, но и внушительное впечатлѣніе. Это настоящій римлянинъ въ костюмѣ 19 столѣтія. Профессоръ Митюковъ читалъ свои лекціи то стоя у кафедры, то сидя, и громкимъ голосомъ. Лекціи его по содержанию своему представляли серьезный и живой интересъ, а потому исправно и охотно посѣщались студентами въ особенности, когда профессоръ излагалъ курсъ исторіи римскаго права. Правда, профессоръ не рѣдко пополнялъ свои лекціи и цитатами изъ латинскаго текста; но это нисколько не охлаждало интереса къ предмету чтенія. Нерѣдко г. Митюкова приходили слушать изъ ближайшей черезъ залъ аудиторіи студенты-филологи. Свои требованія къ студентамъ г. профессоръ ограничивалъ знаніемъ курса его литографированныхъ лекцій, не былъ особенно строгъ и придирчивъ на экзаменахъ и вообще пользовался глубокимъ уваженіемъ молодежи, хотя и не искалъ популярности.

Вторая лекція, съ которой пришлось познакомиться — это по энциклопедіи права профессора Н. К. Рененкампа († въ 1899 г.). На лекціи аудиторія его была полна студентами 1 курса. Можно было думать, что лекторъ увлекательно излагаетъ свой предметъ, или предметъ чтенія очень интересенъ; но тутъ не было ни того, ни другого; присутствіе массы студентовъ на первыхъ лекціяхъ по

энциклопедіи права объяснялось просто особаго рода популярностью этого профессора. Какъ и на другихъ факультетахъ есть свой „грозовой“ профессоръ — и на юридическомъ этой „грозой“ былъ профессоръ Рененкампфъ; а энциклопедія права, вѣдь, главный предметъ въ системѣ курсовыхъ предметовъ и на полукурсовомъ экзаменѣ играетъ первостепенную роль. Профессоръ энциклопедіи права былъ неумолимъ на экзаменахъ, требователенъ страшно. Вотъ почему мы, „фуксы“, такими массами и валили на его первыя лекціи: ходили, чтобы ближе присмотрѣться къ этой „грозѣ“. Чтеніе грознаго профессора, при отчетливости и ясности дикціи, при нѣкоторомъ дѣланномъ паосѣ въ извѣстныхъ мѣстахъ лекціи, не выходило изъ рамокъ того, что значилось въ извѣстной его книгѣ: „Очерки юридической энциклопедіи права“ — этой настольной книги юриста до 3 курса. Въ изложеніи же философскихъ воззрѣній на право: Канта, Шеллинга, Фихте и другихъ и въ разьясненіяхъ положительнаго метода, въ примѣненіи его къ изученію науки права, кіевскій энциклопедистъ не мало, какъ говорятъ хохлы, „подпускавъ туману“. Какъ человекъ, г. Рененкампфъ не былъ симпатиченъ и не пользовался расположеніемъ студентовъ и какъ полунѣмецъ, и какъ сухой, черствый педантъ, не обладавшій при томъ и особенно грузнымъ „ученымъ багажемъ“, не говоря уже о его требовательности на экзаменахъ, — но объ этомъ еще впереди. Слѣдующую лекцію по политической экономіи читалъ профессоръ Цѣхановецкій (†), онъ же и проректоръ университета. При всей своей личной симпатичности, уважаемый профессоръ читалъ лекціи довольно вяло, хотя лекціи сами по себѣ представлялись довольно содержательными. Заслуга профессора состояла, впрочемъ, въ томъ, что онъ съ большою охотой предлагалъ свои услуги для руководства студентовъ при выборѣ авторовъ сочиненій по политической экономіи, для болѣе полнаго изученія этой науки. Правда, что тутъ, при обращеніи къ профессору, имъ указывались большею частію экономисты-классики: А. Смитъ, Милль, Мальтусъ, Рикардо и т. д.; но тутъ же рекомендовались и такіе рутинеры-фритредеры, какъ Бодрильяръ и т. п. Между тѣмъ, нашихъ юристовъ особенно занимала политическая экономія, какъ и вообще въ ту пору молодежь увлекалась или естественными, или социальными-экономическими науками, какъ увидимъ ниже. На экзаменахъ г. Цѣхановецкій былъ снисходителенъ къ студентамъ, а какъ проректоръ, совершенно равнодушно относился къ своему „административному“ положенію, довольствуясь теплымъ и уютнымъ уголкомъ въ казенной квартирѣ, въ зданіи университета.

Лекціи по государственному праву читались профессоромъ Ро-

мановичемъ-Склаватинскимъ († въ 1911 г.), слышимъ въ средѣ студентовъ подъ болѣе популярными названіями: „дворянина“ и „полковника“. Дворяниномъ почтеннаго профессора называли одни потому, что имъ написано извѣстное ученое изслѣдованіе: „о дворянствѣ въ Россіи“, а другіе, болѣе сталкивавшіеся съ профессоромъ, объясняли приведенное выше названіе тѣмъ, истинно дворянскимъ, вѣжливымъ, внимательнымъ и благожелательнымъ отношеніемъ, какое проявлялось со стороны профессора къ студентамъ. Званіе полковника присвоено профессору „старинной“ Кіевскаго университета, общезвѣстнымъ служителемъ „Данилкой“, переведеннымъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ университетомъ изъ г. Вильны и очень популярнымъ между студентами. Кто изъ студентовъ пожелалъ бы узнать и записать подробными біографическими и интимными даже свѣдѣніями о данномъ профессорѣ, — тотъ, обратившись къ Данилкѣ, будетъ вполне удовлетворенъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ многихъ изъ г.г. профессоровъ Данилка зналъ еще студентами. Поистинѣ удивительною памятью обладалъ этотъ Данилка: о нѣкоторыхъ изъ г. профессоровъ онъ сообщалъ такія подробности изъ былого ихъ жизни, что надо было удивляться, какъ онѣ сохранились въ его памяти. Словомъ „вѣщій“ Данилка могъ всегда удовлетворить самое „ненасытное“ любопытство.—Лекціи г. Романовича-Склаватинскаго читались съ большимъ усердіемъ; но недостаточно сильный голосъ лектора для большой аудиторіи, отсутствіе плавности въ рѣчи—мѣшали почтенному профессору пользоваться успѣхомъ между студентами въ качествѣ лектора, — при безспорномъ уваженіи и симпатіи къ нему, какъ къ человѣку—хорошему и доброму. Добрый этотъ профессоръ всегда былъ къ услугамъ студентовъ и словомъ, и дѣломъ, а на экзаменахъ всѣми способами старался спасти „тонувшихъ“.

Первыя впечатлѣнія отъ лекцій перечисленныхъ г.г. профессоровъ хотя и не оправдали вполне тѣхъ ожиданій чего-то волнующаго и „захватывающаго духъ“ молодого юнца, всецѣло не увлекли новизною мыслей, горячностью проповѣди научныхъ истинъ, что предполагалось встрѣтить въ „храмѣ науки“, — но все-таки лекціи данныхъ профессоровъ посѣщались нами болѣе или менѣе исправно, выслушивались съ серьезнымъ вниманіемъ, при чемъ занимало насъ не столько содержаніе самыхъ лекцій, съ которыми потомъ мы рассчитывали ознакомиться непосредственно по литографированнымъ запискамъ, — сколько интересовали насъ тѣ указанія г.г. профессоровъ на вспомогательныя пособія и руководства, которыми мы могли бы пополнить курсъ даннаго предмета. Охота же къ чтенію у насъ была большая; все хотѣлось скорѣе узнать,

разъяснить, со всѣмъ ознакомиться энциклопедически. Мы еще вернемся къ этому явленію въ студенческой жизни. Полное же разочарованіе въ насъ, первокурсныхъ студентахъ-юристахъ,—вызвано было чтеніемъ лекцій проф. гражд. права г. Д—ко...

Въ обширной, амфитеатромъ устроенной аудиторіи вы видите передъ собой на кафедрѣ тощую фигуру человѣка, качающаго головой то въ одну, то въ другую сторону слушателей; слышится тихая, отрывистая рѣчь его, шелестъ переворачиваемыхъ листовъ бумаги и сильныя выкрикиванія отдѣльныхъ фразъ въ направленіи наклоняющагося корпуса фигуры. Выкрикиванія нѣкоторыхъ фразъ были до того сильны и такой неприятной интонаціи, что часто невольно вздрагиваешь всѣмъ корпусомъ. Тембръ профессорскаго голоса глухой, сдавленный; рѣчь монотонная, усыпляющая; изложеніе мыслей сухое, безстрастное, какое-то автоматическое. Однимъ словомъ, такіе важные факультетскіе предметы, какъ гражд. право или судопроизводство, читались самымъ неважнымъ образомъ. Присидѣть лекцію гражд. права было настоящей пыткой, и мы гораздо пріятнѣе и производительнѣе проводили это время дома за чтеніемъ Кавелина, курсовъ Мейера, Побѣдоносцева и другихъ. Кромѣ всего изложеннаго, о данномъ профессорѣ у насъ были свѣдѣнія, что онъ принадлежитъ къ числу „старослуживыхъ“, исправляющихъ должность экстраординарнаго проф., и много работаетъ надъ докторскою диссертацией „по наследственному праву“. Однимъ словомъ, добрый лекторъ и человѣкъ — какъ профессоръ неудовлетворялъ насъ по своему спеціальному предмету.

На экзаменахъ же, и какъ деканъ факультета, г. Д—ко относился къ студентамъ довольно добродушно. Таковы первыя впечатлѣнія отъ первыхъ лекцій нашихъ профессоровъ-юристовъ по главнымъ предметамъ перваго курса. Приведенныя впечатлѣнія не мои личныя только: они составляютъ сводъ отзывовъ всѣхъ товарищей, съ которыми приходилось дѣлиться своими впечатлѣніями въ общихъ бесѣдахъ внѣ университета и въ антрактахъ между лекціями.

Г л а в а II.

Составъ студенчества и его жизнь.

Хотя первый курсъ товарищей-юристовъ нашего времени былъ большой (до 70 человѣкъ) и представлялъ самую разнообразную смѣсь лицъ по возрасту (были и солидные мужи), происхожденію, достатку и общественному положенію семьи студентовъ,—тѣмъ не

менѣе,—эти соціальныя положенія не вносили у насъ розни въ товарищескую среду, не мѣшали быстрому знакомству товарищей между собою и сближенію другъ съ другомъ, смотря, конечно, по личнымъ симпатіямъ и общности цѣлей и интересовъ. Такіе даже студенты-аристократы, какъ князя Манвеловъ, Миша Дондуковъ-Корсаковъ, Цыцуринъ и др., всегда были самыми милыми и предупредительными коллегами. Соединяла насъ подъ своимъ крылышкомъ добрая „alma mater“, сближали насъ общіе запросы культуры, жажда знаній и тѣ порывы добраго, здороваго увлеченія новизной вольнаго „школьнаго“ состоянія, которое такъ неизгладимо врѣзывается въ память всякаго благодарнаго своему университету его питомца.

Между тѣмъ, внѣ стѣнъ университета разница въ матеріальномъ, семейномъ и общественномъ положеніи студентовъ—была огромная. Изъ студентовъ нашего курса лишь $\frac{1}{3}$ состояла изъ людей вполне обеспеченныхъ; другая $\frac{1}{3}$ была обеспечена въ предѣлахъ минимальной необходимости для существованія, безъ заработковъ на сторонѣ, послѣднюю же $\frac{1}{3}$ составляли студенты, жившіе уроками, перепиской лекцій и другими побочными занятіями. Мы говоримъ только о юристахъ, которыхъ почему-то среди студентовъ принято было считать за людей самыхъ состоятельныхъ, и вѣроятно, потому, что въ числѣ ихъ, въ самомъ дѣлѣ, были самые богатые студенты и они, кромѣ того, какъ-то чище и богаче одѣвались, сравнительно, напр., съ медиками, гдѣ удивительная смѣсь фасоновъ пиджачныхъ паръ, „перевитыхъ пледами“, высокіе ботфорты и суковатая „дубинки“ поражали съ непривычки сторонняго зрителя на сборныхъ студенческихъ пунктахъ. Стоимость минимально необходимаго достатка для студента, безъ постороннихъ заработковъ, въ наше время обходилась: квартира отъ 5—9 руб.; столъ отъ 7—10 руб.; на сахаръ, чай, стирку бѣлья и проч. было р. 5 въ мѣсяцъ, да на непредвидѣнные расходы р. 3 (театръ и проч.), всего отъ 20—25 р., исключая, конечно, одежды. Обладающіе такими ресурсами студенты были уже въ нѣкоторомъ родѣ „богатыями“ въ массѣ студенчества, такъ какъ имѣли въ своемъ распоряженіи опредѣленную бюджетную цифру, не состояли въ „отхожихъ промыслахъ“, слѣдовательно, имѣли въ своемъ распоряженіи и больше свободнаго времени для своихъ научныхъ занятій и ужь, конечно, не знали періодическихъ голодовокъ. Студентами такого, указаннаго выше, матеріальнаго достатка были образованы цѣлыя колоніи въ ближайшемъ разстояніи отъ университета; этой категоріи студенты для вящей экономіи въ ихъ бюджетахъ помѣщались челоуѣва по 2 и по 3 въ 1 комнатѣ, а обѣдали то въ сту-

денческой столовой, а то и дома, у квартирныхъ хозяекъ. Студенты же бѣдняки — жили то на урокахъ, то на окраинахъ города, гдѣ и квартиры подешевле, и столъ недорогъ; тѣ же изъ нихъ, которые жили поближе къ университету, „харчились“ въ студенческой столовой и жили то однимъ блюдомъ въ день, чередуясь разнообразіемъ ихъ, то въ „нѣмецкой“ кухмистерской близъ университета, а то и довольствовались, смотря по заработкамъ, и однимъ чаемъ съ колбасой и 3 к. булкой. Студенческіе уроки въ наше время оплачивались очень скудно: отъ 6 до 15 рублей въ мѣсяцъ. Для того же, чтобы обезпечить себѣ уроками сносное существованіе, необходимо было запастись мелкими уроками 2—3, понтируя на нихъ нерѣдко съ одного конца города на другой, съ Тарсавской улицы, или Афанасьевского спуска, на Печерскъ, Подоль, за Софійскій соборъ и т. д. Студенты же, жившіе на урокахъ, т. е. имѣвшіе за уроки квартиру и столъ, проживали большею частью вдали отъ университета и оттуда ходили на лекціи. Правда, были между студентами и такіе счастливы, которымъ платили по 1 руб. и по 2 за урокъ въ часъ, но такихъ счастливыхъ было очень мало, и самые эти уроки доставались студенту по особой протекціи и по особому „заказу“ родителей учащагося. Происходило это въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо какого-либо мальчугана не только репетировать, но и готовить въ какое-либо учебное заведеніе. Были и такіе студенты, которые уѣзжали лѣтомъ на „заработки“ въ деревни къ помѣщикамъ: Кіев., Полт., Чернигов. и друг. губ. На скопленный заработками капиталъ „отъѣзжіе“ студенты проживаютъ затѣмъ въ городѣ до пріисканія здѣсь постоянныхъ уроковъ или передъ наступающими экзаменами. Доставались уроки бѣднякамъ студентамъ или ихъ товарищами, или путемъ случайныхъ знакомствъ, рѣдко публикаціями; въ крайнемъ же случаѣ, уроки поставляла и старая нѣмка *md.* Фишеръ, державшая контору для поставки прислуги, боннъ, гувернантокъ и жившая на Крещатикѣ. Замѣчательно, что отъ г. Фишеръ попадались уроки въ самыхъ аристократическихъ домахъ, гдѣ—конечно, на рекомендованнаго конторой учителя студента смотрѣли немногимъ снисходительнѣе, чѣмъ на приличнаго лакея; но зато хоть исправно платили деньги. Попадались между студентами, въ особенности — филологами и монополисты „менторскаго“ дѣла, вырабатывавшіе уроками болѣе 50 р. въ мѣсяцъ; нѣкоторыхъ извѣстныхъ изъ нихъ товарищи заставляли дѣлиться уроками съ нуждающимися коллегами, и монополисты, поневолѣ, должны были подчиняться приговору своихъ товарищей. Нѣтъ сомнѣнія, что то или иное матеріальное положеніе даннаго студента должно было отражаться и

на его занятіяхъ по научнымъ предметамъ, на складѣ его домашней жизни, на отношеніяхъ его къ товарищамъ и на участіи въ общихъ, товарищескихъ и обще-студенческихъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ. Тѣ изъ студентовъ, которые обладали большимъ достаткомъ и досугомъ,—чаще посѣщали лекціи, студенческія сходки, кружки, студенческую столовую и библіотеку. Между тѣмъ, студенческая столовая, библіотека (есть и студенческой отдѣлъ библіотеки при университетѣ), кассовые и другіе кружки играли огромную роль въ быту нашего студенчества и приносили ему большую и разнообразную пользу, моральную и матеріальную.

Г л а в а III.

Студенческіе кружки и сходки.

Начнемъ съ кружковъ и сходокъ. Кіевское студенчество въ 70 годахъ дѣлилось на множество самыхъ разнообразныхъ кружковъ. Несмотря на отсутствіе внѣшнихъ формальныхъ причинъ, способствующихъ развитію корпоративнаго духа среди университетской молодежи, хотя студенты и находились въ положеніи частныхъ лицъ—посѣтителей лекцій по отношенію къ университету и въ отношеніи другъ къ другу; но стремленіе ко взаимному общенію, вѣяніе высшей научной культуры, потребность экономической самопомощи, сближали учащуюся молодежь то въ отдѣльные кружки кассовые, то земляческіе, факультетскіе, то въ общіе—большіе по численному составу; это кружки, въ основаніи образованія которыхъ лежали интересы болѣе „идейнаго“, чѣмъ матеріальнаго свойства. Сообразно дѣленію студентовъ на кружки, интересами этихъ кружковъ обуславливались и студенческія сходки, которыя были и общія, — для обсужденія общихъ студенческихъ нуждъ — теоретическаго и экономическаго характера — и частныя — по частнымъ вопросамъ даннаго кружка. Обще-студенческими вопросами являлись вопросы, касающіеся студенческой столовой, библіотеки, а также и нѣкоторые, неблагоприятные съ моральной точки зрѣнія, поступки товарищей-студентовъ, подвергавшіеся суду чести всего студенчества. Члены кассовыхъ кружковъ собирались въ назначенное время на квартирѣ у кого-либо изъ студентовъ, завѣдывавшихъ дѣлами кружковой кассы (кассы образованы были изъ ежемѣсячныхъ взносовъ членовъ кружка). Изъ кружковой кассы выдавались незначительныя ссуды особенно нуждающимся студентамъ—до пріисканія заработка, полученія пособія, стипендіи и т. п. Ссуды максимальныя составляли отъ 5—10 р., а минимальныя —

отъ 3—5 р. въ однѣ руки. При всей „мизерности“ кассовыхъ взносовъ и выдававшихся изъ нихъ ссудъ, кассы эти были истиннымъ благодѣяніемъ для бѣднаго студенчества, такъ какъ въ жизни студентовъ бывали положенія, когда по нѣсколько дней и ѣсть-то было нечего. На квартиру временно можно было пристроиться то къ факультетскому товарищу, то къ земляку; но ѣсть нужно вѣдь изо дня въ день... Студенческая столовая содержалась на оборотный капиталъ, который былъ и образованъ отъ платы, выручаемой за обѣды и завтраки. Особыми выгодами, какъ коммерческое предприятие, столовая не задавалась и не сулила ихъ. Заботились о томъ, чтобы подешевле, да получше накормить своего брата-студента. Блюда отпускались то порціями, то обѣдами (мѣсячные), уплата не превышала 15 — 30 к. за порцію, а мѣсячный обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ стоилъ не болѣе 7 р. Столовой завѣдывалъ особый хозяйственный комитетъ, избранный на общей сходкѣ студентовъ. Студенческая бібліотека существовала тоже на средства отъ платы за право чтенія и на особыя пожертвованія нѣкоторыхъ лицъ; управлялась она особыми выборными распорядителями, въ числѣ которыхъ находились студенты разныхъ курсовъ и факультетовъ. Въ студенческой столовой обѣдали исключительно мужчины; бібліотеку посѣщали и женщины, преимущественно изъ слушательницъ акушерскихъ курсовъ и публичныхъ лекцій.

Кромѣ этихъ главныхъ центровъ студенческихъ собраній и мѣстъ для сближенія молодежи, студенты болѣе состоятельные развлекались, походомъ съ лекціей или на лекціи, въ кофейнѣ Штифлера, игрой на билліардѣ и безобиднымъ „балагурствомъ“, а то и въ нѣмецкой столовой, вблизи университета. Главнымъ же пунктомъ для студенческихъ сходокъ служила студенческая столовая. Какъ мы уже сказали, въ столовой, кромѣ обсужденія дѣлъ чисто хозяйственныхъ, связанныхъ съ интересами столовой, въ ней же велись дебаты и давались цѣлыя баталіи по вопросамъ чисто-теоретическаго и культурнаго свойства. Эти „баталіи“ намъ особенно памяты, и особенно пріятно воскресить ихъ въ своей памяти. Нужно было только побывать на этихъ теоретическихъ турнирахъ, чтобы видѣть, насколько молодежь нашего времени увлекали и интересовали идеи текущихъ общественныхъ вопросовъ и задачъ, идеи соціально-историческія, экономическія и естественно-научныя. На этихъ сходкахъ, по научно-теоретическимъ вопросамъ—обозначались, главнымъ образомъ, двѣ партіи студентовъ (въ сходкѣ изъ 150—200 чел.), придерживавшихся извѣстныхъ, опредѣленныхъ взглядовъ и направленія на данные вопросы—это партія радикаловъ и партія либераловъ-прогрессистовъ (выражаясь языкомъ по-

литики). Во главѣ либераловъ стоялъ студентъ-юристъ П—но (впослѣдствіи профессоръ); радикалами руководилъ по стравной случайности филологъ-студентъ Ш—нъ. Къ либераламъ примыкали всѣ студенты юристы, часть филологовъ и математиковъ; радикальная же партія состояла исключительно изъ медиковъ (большинство студентовъ) и „естественниковъ“. Дебаты въ столовой были всегда бурные; горячіе оппоненты съ книгами въ рукахъ, то со Спенсеромъ, то съ Боклемъ, то съ Дарвиномъ тутъ же цитатами изъ нихъ подкрѣпляли свои доводы, каждый по своему разумѣнію комментируя автора.

На нашихъ студенческихъ сходкахъ говорилось много и горячо, шуму было еще больше; все это шло какъ-то безъ системы, безпорядочно, но сколько молодого задора, сколько горячаго, искренняго чувства, сколько души вкладывалось въ эти „теоретическія схватки“. Предметомъ нашихъ дебатовъ, какъ припоминается, ихъ общимъ и, такъ сказать, принципиальнымъ вопросомъ, былъ вопросъ о преимуществѣ реалистическаго и радикальнаго, или либерально-прогрессивнаго взглядовъ на данные явленія и факты: соціально-историческіе, экономическіе и политическіе. За либерально-прогрессивное направленіе стояли юристы и малая часть студенчества другихъ факультетовъ; за радикализмъ и реализмъ — медики и студенты „естественники“. Во взглядахъ первыхъ проглядывало вліяніе идей преобразовательнаго періода 60-хъ годовъ, радикалы же вдохновлялись еще Писаревымъ, Моллешотомъ, Бюхнеромъ, Спенсеромъ, Лайлеемъ, Дарвиномъ, Фохтомъ и другими ученіями людей этого лагеря; крайніе изъ радикаловъ цитировали и Маркса, Овена, Прудона, Фурье, Сенъ-Симона и Бланки—по вопросамъ политико-экономическимъ. Конечно, какъ горячо ни дебатировались данные вопросы въ нашей общестуденческой аудиторіи, практическихъ послѣдствій отъ этого никакихъ не вышло, такъ какъ обѣ противныя партіи всегда расходились, не установивъ никакого „modus vivendi“ для точекъ отправленія при повтореніи споровъ на слѣдующей сходкѣ. Ближайшая, реальная польза отъ нашихъ ученыхъ турнировъ была та, что студенческая аудиторія являлась стимуломъ, побуждавшимъ студентовъ предаваться желанному чтенію самыхъ разнообразныхъ сочиненій и изслѣдованій по разнымъ предметамъ естествознанія, соціологіи, критики, политической экономіи, публицистики и т. д. И въ самомъ дѣлѣ: куда, въ какую колонію студентовъ вы ни загляните: вечеромъ ли, днемъ ли, вездѣ застанете юное общество то за чтеніемъ книгъ, то за горячими спорами по поводу прочитаннаго, то за составленіемъ списковъ того, что нужно прочесть, чтобы являться на ученые турниры въ студенческую

столовую съ извѣстнаго рода подготовкой. Можно сказать безъ преувеличенія, что всѣ студенты первыхъ курсовъ университета, оставляя въ сторонѣ изученіе лекцій, предавались исключительно чтенію книгъ, то относящихся къ предметамъ курсовыхъ чтеній, то касающихся разнообразныхъ отраслей знанія. Юристы, напримѣръ, читали сочиненія по біологіи, геологіи, фізіологіи и другимъ наукамъ; увлекались и Дарвиномъ, а медики набрасывались на Милля (въ комментаріяхъ Чернышевскаго), Спенсера, Конта и экономистовъ соціального оттѣнка. Вся молодежь жаждала приобрѣсти свѣдѣнія не только спеціальныя, но въ извѣстномъ смыслѣ и энциклопедическія. Данное стремленіе къ приобрѣтенію многостороннихъ познаній проявлялось въ средѣ студенчества не только относительно чтенія книгъ, но сказывалось и въ посѣщенія ими лекцій: медики посѣщали лекціи политической экономіи (чтенія Н. Х. Бунге), или всеобщей исторіи (чтенія г. Бильбасова), а юристы— лекціи химіи и фізіологіи, не говоря уже о лекціяхъ по психіатріи и судебной медицинѣ.

Указанное выше отношеніе студенчества къ своимъ занятіямъ касается большинства университетской молодежи; но въ частности здѣсь имѣли мѣсто рѣзкія исключенія, явный и глубокій разладъ между группами студентовъ отдѣльныхъ кружковъ, факультетовъ и курсовъ. Такъ какъ болѣе или менѣе серьезныя факультетскія занятія для студентовъ начинались съ 3 курса, то студенты послѣднихъ курсовъ группировались иначе, чѣмъ 1-го и 2-го курсовъ. Студентами первыхъ двухъ курсовъ преимущественно комплектовались всѣ тѣ кружки, въ которыхъ дебатировались разныя популярныя среди студенчества научно-литературныя и соціально-экономическія теоріи; студенты же этихъ курсовъ составляли и главную активную силу частной студенческой аудиторіи. Хотя и въ кружкахъ, и въ сходкахъ принимали участіе и студенты высшихъ курсовъ, но ужъ больше въ качествѣ „лидеровъ“ разныхъ партій, или свѣдущихъ людей по общестуденческимъ дѣламъ и интересамъ (столовой, бібліотеки и т. п.).

Бросалось въ глаза для посторонняго наблюдателя и подраздѣленіе студентовъ: факультетское и на „profession de foi“ у студентовъ разныхъ факультетовъ, и „курсовое“ (старшихъ курсовъ болѣе опытные спорщики). Такъ, напримѣръ, юристы на общихъ сходкахъ рѣдко были солидарны съ медиками-реалистами, получая отъ послѣднихъ неизмѣнное привѣтствіе „филистеры“. Разногласіе происходило, конечно, по вопросамъ теоретическаго характера. Въ вопросахъ же, касавшихся бытовой стороны студенчества, его жизни, играло роль лишь мнѣніе, удовлетворявшее идеально

честному отношенію къ дѣлу, къ предмету обсужденія, отъ кого бы оно ни исходило: медика, юриста, или филолога. Когда, напр., одинъ изъ студентовъ радикальнаго лагеря Б. не совсѣмъ благовидно распорядился дѣлами студенческой столовой, то его прежде всего осудили свои же товарищи-радикалы. Въ отношеніяхъ же совершенно частныхъ: въ развлеченіяхъ, пирушкахъ, театрѣ—между студентами существовало трогательное единство симпатіи молодости, увлеченія и непринужденной веселости, что такъ краситъ молодежь въ эту пору ея жизни и съ такимъ удовольствіемъ воспоминается во всю послѣдующую жизнь. Кто видѣлъ общество студентовъ въ ту пору на оперномъ спектаклѣ въ театрѣ, на катаньѣ по Днѣпру, на студенческихъ благотворительныхъ вечерахъ, тотъ зналъ, что видитъ передъ собой студентовъ вообще, безъ подраздѣленія на филологовъ, медиковъ и т. д.

Г л а в а IV.

Студенты крайняго направленія.

Совершенно особое положеніе среди кіевскаго студенчества 70-хъ годовъ занимала группа лицъ, близкихъ къ кружку, заправлявшему частной бібліотекой Ил—кого, по Большой Владимірской улицѣ, кружку, организовавшему и чтенія лекцій, вѣрнѣе, бесплатное обученіе рабочихъ въ Кіевѣ—это группа такъ называемыхъ „народовольцевъ“. Въ числѣ лицъ этого кружка однимъ изъ выдающихся дѣятелей былъ и извѣстный Каблиць (Юзовъ). Студенты этого лагеря держали себя какъ-то черезчуръ обособленно отъ нашихъ сходовъ и общестуденческихъ дебатовъ, представляя изъ себя, повидимому, лицъ очень серьезныхъ, занятыхъ, совершенно не посѣщали лекцій, университетъ, презрительно отзывались о факультетскихъ занятіяхъ, о пріобрѣтеніи знаній „академическимъ путемъ“, не признавали никакихъ научныхъ авторитетовъ въ области политико-экономическихъ ученій, кромѣ Маркса и т. п. авторовъ, обзывали филистерами такихъ классиковъ этой науки, какъ Адамъ Смитъ, Рикардо, Ротбертусъ, Кери и т. д. Они всецѣло погружены были въ изученіе авторовъ крайнихъ соціально-экономическихъ ученій, пользовались нерѣдко и произведеніями заграничныхъ „оракуловъ“ крайняго толка. Чрезвычайно безапелляціонныя сужденія студентовъ этой группы по разнымъ вопросамъ науки и литературы, ихъ изолированность отъ остальнаго студенчества, отъ участія студентовъ другого лагеря въ кружкахъ этихъ.

крайнихъ радикаловъ,—все это—вмѣстѣ взятое,—говорило далеко не въ пользу нашихъ не по возрасту серьезныхъ товарищей; и они—эти крайніе отрицатели авторитетовъ—не пользовались симпатіей остального студенчества. Кромѣ чрезвычайно высокаго самомирія и нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ,—группа описываемаго студенчества не внушала къ себѣ довѣрія и страннымъ своимъ внѣшнимъ поведеніемъ: своей таинственностью сходокъ и подозрительностью къ непричастнымъ къ ихъ кружку лицамъ. Между тѣмъ, многимъ изъ насъ было извѣстно, что въ группѣ лицъ даннаго кружка участвовали и студенты первыхъ курсовъ университета съ довольно легкимъ умственнымъ „багажемъ“. Совершенно случайно лишь можно было попасть на интимную сходку студентовъ этой группы; но и то сейчасъ видишь неудовольствіе членовъ сходки при каждомъ появленіи на ней посторонняго, случайнаго посѣтителя. Благодаря неожиданной случайности, и мнѣ пришлось попасть на кружковую сходку данной группы студентовъ. Проходя къ себѣ, домой, по одной изъ улицъ, ведущихъ въ Липки, и вспомнивъ, что по дорогѣ живетъ однокурсникъ — товарищъ — Ваня Бухановскій, я завернулъ къ нему; въ квартирѣ его я засталъ небольшое, но внушительное собраніе малознакомыхъ и совершенно неизвѣстныхъ студентовъ. Съ Бухановскимъ знакомство было заведено мною еще съ первыхъ лекцій въ университетѣ, и такъ какъ онъ оказался довольно добродушнымъ „хохлою“ (полтавецъ), то вскорѣ завязались между нами чисто товарищескія отношенія. Сколько можно было судить по Ванячкѣ, это совершенно безобидный малый, не бойкій, флегматичный, не особенно развитой, но вполнѣ добродушный малороссъ. Несмотря на неожиданность моего прихода къ Ванячкѣ, его товарищамъ нельзя было отдѣлаться отъ меня молчаніемъ или видимыми знаками неудовольствія относительно неожиданнаго посѣщенія кружка, поэтому и мнѣ, по неволѣ, пришлось узнать настоящую цѣль кружковой сходки. Цѣлью же сходки этого кружка было обсужденіе программы праздничныхъ чтеній и обученіе рабочихъ на кіевскихъ фабричныхъ и промышленныхъ заведеніяхъ, распределеніе предметовъ занятій между членами кружка, время ихъ и очередь. Въ числѣ присутствовавшихъ активныхъ членовъ сходки находился, между прочимъ, и еврей Лурье, который, „ни что же сумляшеса“, взялся за объясненіе рабочимъ Закона Божія и, главное,—Новаго Завѣта. Когда я узналъ, что Лурье еврей и берется за изложеніе рабочимъ неподходящаго для него предмета, то не могъ не вмѣшаться въ разговоръ по этому поводу, съ указаніемъ на нецѣлесообразность подобнаго распределенія программныхъ

чтеній. Къ сожалѣнію, мое возраженіе не только не встрѣтило сочувствія въ собраніи, но мнѣ пришлось выдержать довольно сильную атаку оппонентовъ. Мнѣ возражали съ рационалистической точки зрѣнія, что и Новый Завѣтъ необходимо толковать съ этой рационалистической же точки зрѣнія, а потому и безразлично, кто бы этимъ толкованіемъ ни занимался. Уличенный въ филистерствѣ, рутинерствѣ и т. п., я поскорѣе убрался изъ этой суровой компаніи, съ досадой, что меня сопровождаетъ лукавое „хихиканье“ Ванички Б—каго, какъ бы говорившаго: „а что, братецъ, попался“?!.. Кромѣ приведеннаго случая, мнѣ больше не приходилось и случайно попадать въ общество этой группы студентовъ. Къ заправиламъ упомянутой выше бібліотеки И—го примыкала и цѣлая группа дѣвицъ, въ своихъ выдѣляющихся полумужскихъ костюмахъ. Дѣвицы эти были то слушательницы акушерскихъ курсовъ, то изъ постоянныхъ посѣтительницъ публичныхъ профессорскихъ лекцій, читаемыхъ въ университетѣ. Изъ группы студентовъ упомянутой нами категоріи и дѣвицъ впослѣдствіи стали организовываться общества социалистовъ и коммунистовъ, изъ которыхъ нѣкоторые фигурировали въ политическихъ процессахъ (Лурье, Дейчъ, Б—скій и др.) Товарищъ же мой Ваня Б—скій какъ-то незамѣтно выбылъ изъ студентовъ университета до полукурсовыхъ экзаменовъ, и появился черезъ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ одного изъ опаснѣйшихъ „революціонныхъ“ дѣятелей въ извѣстномъ бунтѣ Чигиринскихъ крестьянъ, въ такъ называемомъ: „Чигиринскомъ дѣлѣ“. Объ этомъ дѣлѣ и о Ваничкѣ мнѣ пришлось узнать уже по окончаніи университетскаго курса, изъ газетъ. Какъ-то и не вѣрилось тогда, что такая безцвѣтная и добродушная личность, какъ Ваня, могъ рѣшиться на столь тяжкое и страшное преступленіе, погубить столько своихъ же сосѣдей, земляковъ-чигиринцевъ. Группа социаль-коммунистовъ студентовъ не оказывала въ описываемое нами время вліянія на массу студенчества: она жила своей обособленной жизнью, преслѣдовала свои преступныя цѣли довольно скрытно и осторожно, и если ряды ея пополнялись новыми членами изъ студенческой среды, то это были случайно увлеченные, легкомысленные и слабохарактерные субъекты, въ родѣ Ванички Б—скаго, безразлично относившіеся къ университету и къ академическимъ занятіямъ. На общихъ студенческихъ сходкахъ если и присутствовалъ кто изъ студентовъ-социалистовъ, то инкогнито, такъ какъ, повторяемъ, въ массѣ студенчества эти люди не пользовались ни вліяніемъ, ни довѣріемъ, ни симпатіей, о чемъ мы уже упоминали выше.

Г л а в а V.

Студенты-фразеры.

Существовала среди нашего студенчества еще одна прелюбопытная группа—это, если можно выразиться, переродившіеся „Рудины“ и „Базаровы“. Нахватившись „верховъ“ изъ авторовъ разныхъ „модныхъ“, такъ называемыхъ, передовыхъ ученій, выработавъ путемъ постоянного практическаго упражненія извѣстнаго рода діалектическіе приемы, ничѣмъ серьезно и усидчиво не занимаясь,—эти рыцари „пустопорожней“ болтовни на „ходячія“ темы только тѣмъ и занимались, что ходили со сходки на сходку, отъ одного товарища къ другому, затѣвали пустые споры, вездѣ и всегда жужжали, какъ „шмели“, спорили по самому ничтожному поводу, надоѣдали всѣмъ страшно. Жить съ товарищами такого „пошиба“—чистая пытка: ни самъ ничего не дѣлаетъ и не даетъ возможности и тебѣ взяться за дѣло: то тащитъ на сходку, то убѣждаетъ въ бесполезности изученія нашихъ ученыхъ „филистеровъ“, то начнетъ излагать вновь вычитанныя мысли—и все „бубнить“ и „бубнить“ безъ умолку (типъ—студентъ Т—скій). Замѣчательно, что наши „назойливые говоруны“ рѣдко оканчивали полный университетскій курсъ; все имъ какъ-то не давалась „филистерская“ наука: то не вывезла энциклопедія права на „полукурсовкѣ“, то „зарѣзало“ уголовное право на выпускномъ экзаменѣ. Очень любили эти господа разговаривать и просвѣщать студентовъ 1-хъ курсовъ и юныхъ дѣвицъ; среди этихъ лицъ они преимущественно и искали себѣ поклонниковъ. Поклоненіе же эти „идолы“ любили страшно, такъ какъ обладали чертовскимъ самолюбіемъ; въ спорахъ были нетерпимы къ чужимъ мнѣніямъ, а при серьезномъ на нихъ натискѣ—и ругались.

Типъ студентовъ этой „формаціи“ былъ самый антипатичный въ нашей средѣ и представлялъ грустное явленіе среди университетской молодежи. „Рудины“ преобладали среди юристовъ и филологовъ. Что касается нашихъ Базаровыхъ и „Базаровщины“, то, въ противоположность Рудинымъ, они отличались рѣзкостью и отрывистостью рѣчи, „демократическимъ“ костюмомъ (красныя рубахи), реалистическимъ взглядомъ на вещи и отношенія людей, отсутствіемъ брезгливости, нѣкоторымъ „ухарствомъ“ и усидчивостью въ занятіяхъ экспериментальными науками. „Базаровщина“ преобладала среди медиковъ, переходя въ извѣстныхъ случаяхъ въ слабое

подобіе „Рахметовщины“ подѣ (вліяніемъ извѣстнаго романа: „Что дѣлать“). „Базаровы“ были не въ примѣръ сносиѣ „Рудиныхъ“.

До сихъ поръ, какъ видно изъ изложеннаго выше, намъ приходилось больше указывать на отрицательныя и несимпатичныя стороны студенческой жизни, коснуться вскользь и профессуры. Ниже мы укажемъ и на положительныя, въ высшей степени симпатичныя стороны и студенческаго быта, и профессуры; но пока остановимся на одномъ эпизодѣ, сильно насъ всѣхъ волновавшемъ въ то время. Эпизодъ этотъ—франко-прусская война. Война эта насъ всѣхъ сильно занимала своими перипетіями: телеграммы, газеты вездѣ брались съ бою и въ университетской, частныхъ библиотекахъ, и въ мѣстахъ студенческихъ сходокъ; политическими извѣстіями дня мы зачитывались. По прочтеніи новостей, начинались горячіе споры, комментаріи, рядъ предположеній, предугадываній будущихъ событій: мы негодовали, радовались, разочаровывались. Если бы со стороны посмотрѣть на эту волнующуюся массу молодежи, послушать эти до хрипоты голоса, споры, то можно было подумать, что рѣчь идетъ о дѣлѣ кровномъ, родномъ, близкомъ сердцу cadaго. Университетская молодежь была безусловно на сторонѣ французовъ, но, конечно, какъ нація, потому что режимъ Наполеона III осуждался молодежью безпощадно, а противъ нѣмцевъ пылало страшное, „стихійное“ негодованіе. Нѣмецъ, какъ національный типъ, представлялся намъ бездушнымъ, грубымъ эгоистомъ, готовымъ проглотить Францію—эту носительницу высшей человѣческой культуры, безъ всякаго сожалѣнія. Въ особенности ненавистны были намъ „желѣзный“ Бисмаркъ и „стальной“ Мольтке. Всѣ мы высказывали желаніе, чтобы мы, русскіе, пользуясь удобнымъ случаемъ (послѣ Седана), соединились бы съ французами для того, чтобы остановить нѣмцевъ, воевавшихъ въ то время уже не съ правительствомъ Франціи, а съ ея народомъ. Но мечты наши остались мечтами, и нами выражалось лишь „платоническое“ сочувствіе къ Франціи, побитой, разбитой и униженной нѣмцами... Какъ прекрасенъ и трогателенъ былъ подъемъ патріотическаго духа нашей молодежи въ данное время—хоть сейчасъ изъ нея формируй боевые баталіоны...

Г л а в а VI.

Университетское начальство и общая администрація.

По упраздненному нынѣ университетскому уставу 1863 г.,—студенты университета юридически признавались частными лицами, посѣтителями лекцій, слушателями; посѣщеніе лекцій для нихъ

было не обязательно; обязательна была выправка „матрикулярнаго“ билета, какъ вида на жительство; обязательнень былъ взносъ платы за право слушанія лекцій; необходимо было являться на полукурсовыя и курсовыя испытанія. Такое *de jure* положеніе студентовъ не могло не отражаться и на отношеніи къ нимъ какъ университетской администраціи, такъ и общей администраціи края; оно отражалось и на отношеніяхъ студентовъ другъ къ другу. О послѣдняго рода отношеніяхъ студентовъ мы уже говорили выше. Университетская же администрація, въ лицѣ: ректора, проректора и декановъ университета относилась въ наше время къ студентамъ и добродушно, и доброжелательно, безъ формализма и чиновнической субординаціи. Фактическій контроль университетской администраціи надъ частной жизнью студента и надъ его научными занятіями совершенно отсутствовалъ. Кто изъ насъ интересовался лекціями и какими именно,—тотъ тѣ лекціи и посѣщалъ; кто нуждался въ руководствѣ при изученіи даннаго факультетскаго предмета, тотъ и обращался за совѣтомъ къ профессору избраннаго для изученія предмета; кто желалъ брать книги изъ бібліотеки, тотъ имѣлъ дѣло съ бібліотечными распорядителями; о пособіяхъ и стипендіяхъ хлопотали черезъ университетскихъ декановъ. Съ ректоромъ университета, проректоромъ и совѣтомъ дѣловыя отношенія были очень рѣдки. Однимъ словомъ, при добропорядочномъ своемъ поведеніи въ зданіи университета, при посѣщеніи лекцій, экзаменовъ и при мирной жизни внѣ стѣнъ университета, можно было окончить университетскій курсъ, не имѣя ни малѣйшаго представленія объ университетской администраціи, какъ учебномъ начальствѣ. Существованіе студенческихъ кассъ, столовой и бібліотеки, хотя, по всей вѣроятности, и было извѣстно университетскому начальству, но пока въ этихъ автономныхъ студенческихъ учрежденіяхъ дѣло шло тихо „мирно“ и „благородно“,—не было и повода университетской администраціи вмѣшиваться въ студенческія дѣла, тѣмъ болѣе, что и общей гражданской администраціей эти учрежденія совершенно игнорировались. Добродушное отношеніе нашей университетской администраціи къ студенчеству и его дѣламъ въ 70 годахъ объясняется еще и тѣмъ, что во главѣ университета, какъ его ректоръ, стояло лицо, безукоризненной честности, высокогуманный Н. Х. Бунге (†). Къ своему ректору студенты относились въ высшей степени почтительно, высоко цѣня его нравственныя качества и, надо думать, что глубокое моральное воздѣйствіе этого лица на кіевское студенчество и было причиною того, что за все время нашего пребыванія въ университетѣ мы помнимъ лишь одинъ „скандальный“ случай со стороны нѣкоторыхъ

студентовъ, потребовавшій вмѣшательства въ дѣло университетскаго начальства—это театральнѣй „дебошъ“ студентовъ Фил—ко и Пол—ко изъ-за вызова любимыхъ оперныхъ пѣвицъ.

Обще-гражданская администрація, не менѣе университетской, относилась къ студентамъ довольно снисходительно: ни на студенческихъ—кружковыхъ сходкахъ, ни общихъ въ студенческой столовой,—не приходилось встрѣчаться съ полицейской агентурой какъ явной, такъ и тайной. Если же въ мѣстахъ публичныхъ собраній: зимнемъ театрѣ, „Chateau de fleur“ и т. п. и приходилось встрѣчаться съ неблаговидными поступками нѣкоторыхъ дебошировъ—студентовъ, то весь инцидентъ исчерпывался простымъ прекращеніемъ беспорядка, безъ дальнѣйшихъ криминальныхъ послѣдствій. Того же, что называется „травлей“ студентовъ, предубѣжденности противъ общаго направленія молодежи, что имѣло мѣсто въ нѣкоторыхъ другихъ университетахъ, въ Кіевѣ въ описываемое время не имѣло мѣста.

Благодушное настроеніе относительно студенчества мѣстной администраціи края и снисходительное ея къ нимъ отношеніе можетъ быть объяснимо, съ одной стороны, тѣмъ, что въ общей массѣ своей и въ своемъ „гражданскомъ“ частномъ быту студенчество вело себя спокойно, прилично и благонамѣренно: ни массоваго „бражничанья“, ни „дебоширства“, ни внѣшняго проявленія политической неблагонамѣренности не существовало. Кромѣ того, въ сторону благодушнаго отношенія гражданской администраціи къ студенчеству въ извѣстной степени вліяло и то обстоятельство, что начальникомъ края въ наше время былъ кн. М. Дундуковъ-Корсаковъ, просвѣщенный и добрый человекъ—самъ бывший студентъ, при чемъ въ числѣ студентовъ Кіевскаго университета находился и сынъ ген.-губерн., М. М. Дундуковъ-Корсаковъ. Несмотря на хорошее въ общемъ отношеніе гражданской администраціи къ студенчеству,—извѣстный въ свое время кіевскій полицеймейстеръ фонъ-Гюбенетъ пользовался у студентовъ чрезвычайной антипатіей. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаяхъ, кто-нибудь изъ студентовъ въ отдѣльности, или цѣлымъ обществомъ, непременно устроятъ этому господину какую-нибудь пакость: то угостятъ его невкуснымъ напиткомъ, то умышленно надебоширятъ, нагрубятъ и извернутся отъ преслѣдованія. Вездѣ и всегда преслѣдовали студенты этого почему-то нелюбимаго и нетерпимаго человека; иронія и смѣхъ преслѣдовали фонъ-Г—та. Объ „интеллектѣ“ же его студенты были самага невысокаго мнѣнія. Больше всѣхъ надоѣдалъ г-ну Г—ту студентъ Гроссъ.

Г л а в а VII.

Наши профессора и учебныя занятія студентовъ.

Переходимъ къ нашимъ ближайшимъ руководителямъ по курсовымъ занятіямъ—г.г. профессорамъ. Ранѣе мы набросали относительно профессоровъ лишь тѣ первыя впечатлѣнія, которыя были вынесены нами изъ первыхъ посѣщеній ихъ лекцій. При дальнѣйшемъ слушаніи лекцій и при знакомствѣ съ профессорами старшихъ курсовъ—и лекціи ихъ получаютъ другое значеніе, освѣщеніе, да и сами лекторы представляются въ другомъ свѣтѣ, конечно, не всѣ сплошь, какъ и не всѣ лекціи похожи однѣ на другія: тутъ дѣло въ моральномъ вліяніи личности профессора и въ отношеніи его къ своему дѣлу. Болѣе близкое знакомство студентовъ (мы говоримъ о юристахъ) какъ съ факультетскими предметами занятій, такъ и съ профессорами, начинается лишь со времени полукурсовыхъ экзаменовъ: на 3 и 4 курсахъ. На 1-мъ и частью на 2 курсѣ студенты, какъ уже было сказано ранѣе, большую часть свободнаго времени посвящали чтенію книгъ, то относящихся къ курсовымъ предметамъ (кто работалъ, напр., надъ сочиненіемъ), то къ разнороднымъ отраслямъ знанія вообще. При такого рода отношеніи большинства студентовъ къ своимъ домашнимъ занятіямъ, въ ближайшемъ знакомствѣ ихъ съ „профессурой“ не предстояло особой надобности: всякъ добивался самостоятельно узнать то, что его въ данную минуту, съ обще-культурной точки зрѣнія, интересовало и занимало. Были, впрочемъ, и такіе студенты, которые относились серьезно и къ такому формальному требованію факультетскаго курса, какъ представленіе письменныхъ работъ на заданную или избранную въ году тему по данному факультетскому предмету, и тогда должны были прибѣгать къ совѣту профессора. За подобнаго рода письменныя работы студенты освобождались отъ платы за ученіе, а за лучшія изъ нихъ выдавались и единовременныя пособія до 80 р. Само собою разумѣется, что указанные прилежные студенты и ближе стояли къ своимъ факультетскимъ профессорамъ, чѣмъ остальные ихъ товарищи. Большинство же студентовъ только со 2 курса приступаютъ къ изученію, или, вѣрнѣе, просмотру курсовыхъ лекцій—для полукурсоваго экзамена, при чемъ самая усидчивая работа надъ лекціями наступаетъ мѣсяцевъ за 5 до экзаменовъ.

Готовились къ экзамену, обыкновенно, по два или по три студента вмѣстѣ; были и сверхкомплектные, у кого не было лекцій.

Распредѣлялись и штудировались факультетскіе предметы съ такимъ расчетомъ, чтобы умѣть приготовить все необходимое для экзамена ко времени экзаменаціонныхъ сроковъ, промежутки же между отдѣльными экзаменами оставались для пополненія неминуемыхъ пробѣловъ въ курсѣ. На юридическомъ факультетѣ изъ самыхъ „страшныхъ“ экзаменаціонныхъ предметовъ 2 курса представляла собой „энциклопедія права“, и за нее-то мы прежде всего и принимались. Хотя полукурсовые экзамены въ сущности были далеко не строги по предъявлявшимся на нихъ требованіямъ къ студентамъ со стороны г. г. профессоровъ, но эту легкость экзаменовъ испытывали на себѣ и шли экзаменоваться со спокойнымъ духомъ лишь тѣ изъ студентовъ, которые систематически и въ теченіе двухъ первыхъ курсовъ, посѣщая аккуратно лекціи профессоровъ, въ то же время параллельно изучали и литографированныя курсовыя записки по предметамъ профессорскихъ чтеній, пользовались и вспомогательными руководствами и пособіями къ лекціямъ, указанными профессорами. Большинство же студентовъ на лекціи и на самые экзамены смотрѣли какъ на неизбежное „sine qua non“ для окончанія университетскаго курса. Не мало было и такихъ студентовъ, которые, проживая годъ и болѣе внѣ Кіева, состоя въ „отхожемъ промыслѣ“, запасались курсовыми записками, готовились къ экзамену на мѣстахъ нахожденія своихъ „выѣздныхъ“ уроковъ и лишь за мѣсяца 2 до экзаменовъ являлись въ городъ, начинали усердно посѣщать лекціи по утрамъ, а днемъ и по ночамъ провѣряли пробѣлы въ своихъ курсовыхъ занятіяхъ. Часто приходилось удивляться значительному количеству слушателей на лекціяхъ во время, предшествовавшее экзаменамъ; были посѣтители лекцій, которыхъ въ первый разъ видишь въ аудиторіи; но недоразумѣніе разъясняли сами „незнакомцы“, поясняя, что это нужно (посѣщать лекціи), такъ какъ нѣкоторые изъ экзаменующихъ профессоровъ имѣютъ обыкновеніе знакомиться съ „перелетными“ студентами во время самыхъ экзаменовъ, начиная знакомство фразой: „кажется, я первый разъ имѣю удовольствіе васъ видѣть“ (Проф. Ре—фъ).

Со всѣми изложенными приготовленіями и предосторожностями,—полукурсовые экзамены сходили благополучно для большинства нашихъ юристовъ; но бывали и „массовые провалы“: такъ въ наше время провалились на энциклопедія права почти всѣ нѣжинскіе лиценсты, перешедшіе изъ лицея кн. Безбородко на юридическій факультетъ Кіевскаго университета. Бѣдные лиценсты должны были послѣ полукурсоваго экзамена „играть отбой“ и отступить обратно къ стѣнамъ своего лицея, для дальнѣйшаго окон-

чанія „ученой кампані“, предпринятой въ Кіевѣ... На полукурсовыхъ экзаменахъ намѣчались и обозначались характерныя черты тѣхъ изъ студентовъ, которые по способу и пріемамъ, практиковавшимся ими при изученіи факультетскихъ предметовъ, получали отъ товарищества и извѣстные „ярлыки“. По этимъ „ярлыкамъ“ курсовые товарищи раздѣлялись на людей съ серьезно-научной и спеціальной подготовкой, людей талантливыхъ,—на „зубрилъ“, довольствовавшихся однѣми записками, но за то знавшихъ ихъ дословно, и на такъ называемыхъ, студентовъ „свободомыслящихъ“, смотрѣвшихъ на записки, какъ на необходимое зло для полученія аттестата объ окончаніи университетскаго курса. „Зубрили“ „норовили“ все на кандидатскій дипломъ и страшно боялись, чтобы въ экзаменаціонныхъ отмѣткахъ передъ словомъ: „удовлетворительно“ не было пропущено: „весьма“, что могло мѣшать полученію кандидатскаго диплома.

Серьезно подготовленные по курсовымъ предметамъ товарищи, хотя тоже рассчитывали на кандидатскіе дипломы, но не придавали этому ученому званію особеннаго значенія, не „лѣзли изъ кожи“, чтобы получить его. Помнится, нашъ одинъ товарищъ М. Ар. К—въ, который, получивъ по всѣмъ факультетскимъ предметамъ наивышіе экзаменаціонные баллы, не пожелалъ кандидатскаго диплома и умышленно отказался отъ представленія кандидатской диссертациі, но за то его аттестатъ весь пестритъ словами: „весьма удовлетворительно“. Изъ замѣчательныхъ „зубрилъ“ и кандидатовъ правъ были извѣстные Гр—бъ и другіе—въ общемъ далеко и не вполне развитые „культурно“ интеллигенты. Студенты же свободомыслящіе—это все большинство дѣйствительныхъ студентовъ (по аттестатамъ): кто повыше, а кто пониже въ рядахъ академическихъ списковъ. Изъ талантливыхъ и серьезно-научно подготовленныхъ товарищей нашего времени можно указать на Ев. К—ва (занимавшаго одно время довольно видный постъ по министерству финансовъ), Тальберга (профессора †), Назимова (†) и студента старшаго курса Аф. А—вича ¹⁾ (тоже профессора), бывшаго нашего сожителя—это юристы. Изъ филологовъ укажемъ: на Дашкевича (бывшаго профессора), Брянцева; изъ медиковъ: Тритшель и С. Колачевскій (недавно умершій миллионеръ) и др. Студенты старшихъ курсовъ университета, всецѣло преданные научнымъ занятіямъ, обыкновенно, старались уже спеціализировать свои занятія факультетскими предметами, усердно посѣщали лекціи, брали для чтенія книги изъ университетской бібліотеки, входили

¹⁾ Б. тов. мин. финансовъ.

въ ближайшія сношенія съ г.г. профессорамъ даннаго предмета; усидчиво работали въ лабораторіяхъ, клиникахъ и подъ руководствомъ профессора изучали излюбленный факультетскій предметъ, не упуская изъ виду и основательной подготовки по общимъ курсовымъ предметамъ. Эти же—лучшіе студенты—были и постоянными посѣтителями, докладчиками и главной дѣятельной силой на нашихъ факультетскихъ практическихъ лекціяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ дѣлѣ образованія группы серьезныхъ въ научномъ отношеніи студентовъ „работниковъ“ имѣло огромное значеніе то научное и „главное“ — моральное вліяніе на студенчество извѣстныхъ профессоровъ, которое распространялось и за предѣлы даннаго факультета. Вліянію профессоровъ скорѣе поддавались студенты высшихъ курсовъ, начиная съ 3-го, когда молодежь, освоившись со своимъ студенческимъ положеніемъ въ его „домашнемъ быту“ (сходки, кружки и проч.), расширивъ и свои умственные горизонты (чтеніемъ, научными турнирами), начинали предъявлять болѣе опредѣленные и положительные запросы къ факультетскимъ чтеніямъ лекцій, тѣмъ болѣе, что и самые предметы чтеній на высшихъ курсахъ были болѣе интересны по разнообразію научнаго матеріала, да и профессора, по счастью, оказались и болѣе талантливыя, и гораздо симпатичнѣе, чѣмъ на первыхъ курсахъ (говоримъ о юридич. факультетѣ преимущественно). Изъ выдающихся профессоровъ Кіевскаго университета 70-хъ годовъ укажемъ на юристовъ: Н. Хр. Бунге, Кистяковскаго, Митюкова, Зибера и Романовича-Славатинскаго; филологовъ — Бильбасова, Модестова, Вл. Антоновича и Иконникова; медиковъ — Афанасьева (умершій), Коломнина, Иванова, Хрж—скаго, Покровскаго; по физико-математическому — Ковалевскій, Хандриковъ, Алексѣевъ (химикъ) и мн. др. На юридическомъ факультетѣ самое замѣтное вліяніе на своихъ слушателей оказывали профессора: Н. Хр. Бунге и Кистяковскій; на медицинскомъ огромной популярностью пользовались молодая научная сила, — доценты: Афанасьевъ и Коломнинъ. Вліяли эти лица на студенчество и своими чтеніями, но болѣе всего свѣтлымъ нравственнымъ обликомъ — это были „кристаллически“ чистыя и честныя личности. Профессоръ Бунге излагалъ намъ, — юристамъ 3 курса, курсъ полицейскаго права и статистики. Курсу полицейскаго права въ тѣсномъ смыслѣ предшествовало, обыкновенно, изложеніе исторіи политико-экономическихъ ученій. Лекціи по этому предмету въ устномъ пересказѣ профессора были замѣчательно интересны и глубоко-содержательны. Не обременяя нашей памяти и не ослабляя вниманія излишними цитатами трактуемыхъ авторовъ ученій, лекторъ въ удивительно сжатой и ясной лекціи

умѣлъ вложить въ память слушателя всю суть даннаго ученія. Почтенный профессоръ не обладалъ сильнымъ голосомъ, но такъ какъ аудиторія была небольшая, чтеніе лекцій происходило экспромптомъ, плавно, живо, съ неизмѣнной улыбкой на лицѣ лектора, причемъ г. профессоръ имѣлъ обыкновеніе читать свои лекціи стоя у кафедры, то такой способъ изложенія лекцій чрезвычайно „полюбился“ слушателямъ Н. Хр. Бунге: вся аудиторія выслушивала лектора съ неослабѣвающимъ отъ начала и до конца интересомъ, и оставляли аудиторію студенты вполне удовлетворенные предметомъ чтеній. Прекрасное и глубокое впечатлѣніе производили чтенія Н. Х. Б. не только на насъ, его постоянныхъ слушателей, но и на случайныхъ посѣтителей его лекцій. Я и до сихъ поръ сохранилъ въ памяти восторженный отзывъ знатнаго японца Нисси Токузиро ¹⁾, посѣтившаго въ наше время лекціи Н. Х. Бунге. Съ г-мъ Нисси мнѣ пришлось посѣщать и осматривать многія достопримѣчательности Кіева, и вотъ, дѣлясь своими впечатлѣніями, г. Нисси выразился о Н. Х. Б., какъ о замѣчательномъ профессорѣ. Знатный японецъ, между прочимъ, хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ. Еще болѣе чѣмъ лекторъ Н. Х. Б. вліялъ на студентовъ своей нравственной чистотой и обаяніемъ своей личности. Когда многіе изъ нашихъ профессоровъ-юристовъ всецѣло погружены были то въ банковскія и городскія дѣла, какъ Сидоренко, Рененкампфъ, то въ „совѣтскія“ интриги и дразги (проф. Томса, Эргардтъ), профессоръ Бунге далеко держалъ себя отъ этихъ „болотъ“. Прекрасное и плодотворное моральное вліяніе Н. Х. Б. на студентовъ проявлялось въ особенности на собесѣдованіяхъ съ нами профессора, на практическихъ лекціяхъ по его предмету.

Г л а в а VIII.

Практическія факультетскія занятія.

Практическія занятія факультетскими предметами у насъ, юристовъ, были заведены лишь двумя профессорами: Н. Х. Бунге и Кистяковскимъ. Предметомъ практическихъ занятій служили разнообразныя темы изъ прочитаннаго курса по предметамъ упомянутыхъ профессоровъ и выражались въ частныхъ собесѣдованіяхъ профессоровъ со своими слушателями по данному вопросу. Задавались для разработки извѣстныя темы, служившія матеріаломъ

¹⁾ Бывшій японскій посоль въ С.-Петербургѣ.

для письменныхъ докладовъ, рефератовъ; рефераты затѣмъ разрабатывались и дебатировались подъ руководствомъ профессоровъ, совершенно свободно, въ видѣ частныхъ разговоровъ, съ большимъ оживленіемъ и интересомъ съ нашей стороны. Руководитель такихъ частныхъ лекцій—Н. Х. Б.—здѣсь-то и проявлялъ свою необыкновенную мягкость обращенія съ нами, терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, часто и парадоксальнымъ, и едва уловимую иронию въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь изъ насъ черезчуръ уже, что называется, „зарапортуется“ въ своихъ разсужденіяхъ по данному вопросу.

Наши практическія собесѣдованія между собою подъ руководствомъ профессора по данному предмету были однимъ изъ главныхъ стимуловъ для серьезнаго отношенія съ нашей стороны къ научнымъ занятіямъ: они доставляли намъ, кромѣ высокаго умственнаго интереса, и существенное подспорье въ подготовкѣ къ экзаменамъ. Для профессоровъ практическія лекціи служили самымъ удобнымъ средствомъ для выбора изъ нашей среды выдѣляющихся по своимъ знаніямъ и талантамъ лицъ, которыя потомъ намѣчались профессорами въ стипендіаты для приготовленія ихъ къ профессорскому званію: и въ самомъ дѣлѣ, изъ школы Н. Хр. Б. и г. Кистяковскаго вышло не мало профессоровъ въ Кіевскій университетъ, напр. Пи—но, А. Антоновичъ, Тальбергъ, тогда какъ другіе профессора-юристы рѣдко оставляли послѣ себя подготовленныхъ къ ученой „карьерѣ“ лицъ. Подобно изложенному, слѣдуетъ сказать и о практическихъ лекціяхъ профессора Кистяковскаго, съ тою разницею, что почтенный нашъ криминалистъ, кромѣ темъ курсовыхъ, избравшихся для обсужденія по уголовному праву, вносилъ еще на обсужденіе студентовъ и нѣкоторыя темы по живо трепещущимъ вопросамъ дня—процессуальнымъ, уголовному праву и судоустройству, даже и изъ публицистики. Какъ на примѣръ, укажемъ на обсужденіе извѣстной статьи Ев. Маркова въ газетѣ „Голосъ“. „Софисты XIX в.“. Отношеніе къ намъ профессора Кистяковскаго на практическихъ лекціяхъ было столь же гуманное, терпѣливое и сердечное, какъ и Н. Х. Б. Благожелательное отношеніе г. Кистяковскаго къ своимъ слушателямъ не обосновывалось на стремленіи профессора къ популярности, такъ какъ скромнѣе человека, какъ г. Кистяковскій, несмотря на громадность его ученыхъ заслугъ, трудно было и найти въ средѣ кіевскаго ученаго сословія, и профессоръ терпѣливо работалъ съ нами приватно, исключительно въ интересахъ научной пользы практическихъ лекцій для юристовъ. Профессоръ, конечно, не ошибался. Какъ и Н. Х. Б., г. Кистяковскій своей моральной чистотой былъ намъ также въ высокой степени симпатичнымъ, тѣмъ болѣе, что мы еще его знали, какъ „большого работника“ въ дѣлѣ науки и всегда съ особымъ инте-

ресомъ прочитывали его капитальные научные труды. Помимо этого, т. е. ученыхъ изслѣдованій проф., самый курсъ уголовного права г. Кистяковскаго по своему удивительно ясному изложенію, богатству содержанія и систематической обработкѣ матеріала—представляется едва-ли не серьезнѣйшей и плодотворнѣйшей работой почтеннаго нашего наставника, въ особенности, если сравнить его съ разными новѣйшими курсами, разными началами политической экономіи „и пособіями для слушателей“ нашихъ скороспѣлыхъ ученыхъ! Упомянутые два профессора были нашими идеальными наставниками, красой и факультета, и университета. Относительно чтенія лекцій профессоромъ Кистяковскимъ нужно сказать, что чтенія эти не были вполнѣ безупречны; профессоръ не обладалъ плавностью рѣчи, ораторскимъ талантомъ; не было той живости въ пересказѣ содержимаго лекцій, что такъ плѣняетъ слушателя; но зато приведенные недостатки выкупались удивительной ясностью изложенія: строго послѣдовательнымъ развитіемъ мыслей, богатствомъ фактическаго содержанія лекціи. Оставляя аудиторію Кистяковскаго, слушатель сознаетъ, что къ его міросозерцанію прибавились новые мысли, взгляды, освѣщены цѣлыя, невидимыя области человѣческаго познанія, и постоянный свѣтъ науки глубоко проникаетъ въ сознаніе студента, а не шевелитъ и задѣваетъ его поверхностно игрой „случайно падающихъ свѣтовыхъ лучей“...—Остальные профессора высшихъ курсовъ юридическаго факультета производили на насъ своими чтеніями то же впечатлѣніе, какъ и г.г. профессора 1-го курса: тутъ были: и свой Р—фъ—пр. Незабитовскій и свой Д—ко—проф. Сидоренко. На экзаменахъ проф. Н. Х. Б. и Кистяковскій были снисходительны и справедливы, да и намъ, ихъ слушателямъ, совѣстно было идти экзаменоваться по угол. праву или полицейскому на „ура“, а потому студенты 4 курса готовились къ экзаменамъ по предметамъ нашихъ любимыхъ профессоровъ серьезнѣе, чѣмъ по другимъ курсовымъ предметамъ. Что касается профессоровъ-дѣльцовъ, то эти господа, занятые болѣе внѣ стѣнъ университета, на свои лекціи смотрѣли гораздо снисходительнѣе, чѣмъ „лѣнныя чиновники“ на свои канцелярскія „манипуляціи“: лишь бы быть на лекціи.—Отъ такого „сорта“ лекторовъ, какъ и отъ ихъ лекцій студенчество ничего полезнаго для себя не ожидало, лекціями „дѣловитыхъ“ профессоровъ не интересовалось; мы довольствовались жиденькими профессорскими записками данныхъ своихъ наставниковъ и съ этимъ легкимъ научнымъ багажемъ шли на экзамены. Кто же изъ насъ интересовался предметомъ, бывшимъ въ рукахъ одного изъ профессоровъ „дѣльцовъ“, тотъ изучалъ излюбленную науку совершенно самостоятельно.

Крайне антипатичными были для студенчества профессора-нѣмцы, не потому собственно, что они нѣмцы, а не русскіе, а въ силу того, что большинство ихъ состояло изъ факультетскихъ и совѣтскихъ интригановъ; развитію же интригъ способствовала выборная система, что дальше можно усмотрѣть и на дѣятельности этихъ лицъ при избраніи профессоровъ. Всѣмъ, или огромному большинству студентовъ доподлинно было извѣстно, что въ совѣтъ нашего университета постоянно интригуютъ профессора, то изъ-за командировокъ, то изъ-за выбора и баллотировки доцентовъ на профессорскія кафедры. Боролись, главнымъ образомъ, двѣ партіи—нѣмецкая и русская... Нѣмецкая состояла изъ профессоровъ-нѣмцевъ, преобладавшихъ на медицинскомъ факультетѣ и, частью, на физико-математическомъ; къ русской партіи принадлежали остальные профессора. Лидерами нѣмецкой партіи считались Эргардтъ, Томса и Мадонъ; у русской, кажется, лидера-то и не было, такъ какъ между русскими профессорами было много „дайчландистовъ“, если можно такъ выразиться. Въ описываемое нами время въ нашемъ учено-административномъ „ареопагѣ“ преобладала партія нѣмецкая. Преобладаніе данной партіи въ университетскомъ совѣтѣ особенно рельефно сказалось при баллотировкѣ на профессорскія кафедры двухъ доцентовъ медицинского факультета—Афанасьева и Коломнина, которыхъ нѣмцы такъ и не пропустили въ „экстраординарные“, что вызвало цѣлую бурю негодованія между студенчествомъ вообще и медиками въ особенности, и если дѣло не дошло до явной по этому поводу манифестаціи, то благодаря лишь той популярности и той симпатіи, какими указанные профессора пользовались среди насъ, и устройствомъ манифестацій студентамъ не желательно было любимымъ наставникамъ причинять лишнія непріятности. И въ самомъ дѣлѣ, г. г. Афанасьевъ и Коломнинъ выдѣлялись изъ персонала преподавателей медицинского факультета рѣдкой личной нравственной чистотой и беззавѣтной преданностью наукъ: они не были практиками—„стяжателями“ и не проводили цѣлыхъ дней „въ каретѣ“, какъ другія наши медицинскія свѣтила, скоро накупившія дома и имѣнія (Мерингъ, Хржанщевскій и др.).

Къ нѣмецкой партіи изъ русскихъ профессоровъ примыкали, главнымъ образомъ, наши „ученые дѣльцы“ съ Р—омъ во главѣ, и въ этомъ отношеніи они шли рука объ руку: медикъ съ юристомъ, филологъ съ математикомъ и т. д. Благодаря этой кликѣ университетскихъ ученыхъ мужей, такая свѣтлая и благородная личность, такой рѣдкій труженикъ науки, какъ В. Б. Антоновичъ, долго долженъ былъ пробавляться доцентурой, тогда какъ „ученые ремесленники“, вроде Г—ля, Суботина и другихъ —

скоро проскакивали и въ „ординарные“. Всѣ указанные непривлекательныя дѣлишки ученыхъ мужей нашего университета послужили даже матеріаломъ для одного беллетристическаго произведенія „изъ нравовъ кіевскихъ ученыхъ“, и читая этотъ романъ, нельзя сказать, чтобы авторъ много преувеличилъ относительно того, что касается характеристики нашихъ профессоровъ-дѣльцовъ. Наши ученые дѣльцы—они же банковскіе и думскіе дѣятели—могли, конечно, оправдывать свою дѣятельность тѣмъ, что попали въ теченіе дѣловой общественной жизни и были теченіемъ увлечены, растерявъ въ увлеченіи и свой „научный багажъ“... Отмѣченная сторона дѣятельности членовъ нашей ученой университетской корпораціи представляла собою, конечно, „некрасивое пятно“ на свѣтломъ фонѣ картины университетской жизни, но и некрасивое пятно на общемъ ея фонѣ—въ значительной степени теряло свой непривлекательный видъ и „затушевывалось“ дѣятельностью нашихъ лучшихъ профессоровъ.

Г л а в а IX.

Публичныя лекціи и экзамены.

Выше мы уже говорили о практическихъ лекціяхъ Н. Х. Б. и Кистяковскаго по юридическому факультету; но лучшими нашими профессорами читались въ университетѣ, большею частью по вечерамъ, и публичныя лекціи по предметамъ естествознанія: физиологіи, химіи и другимъ. Лекторы публичныхъ лекцій, какъ бы предугадывая живой по времени интересъ общества къ приобрѣтенію научныхъ познаній по предметамъ прикладныхъ наукъ, безкорыстно и съ полною любовью къ дѣлу шли навстрѣчу запросамъ дня и общественной любознательности. Мы не помнимъ, кому собственно изъ нашихъ профессоровъ принадлежала инициатива по открытію и правильной организаціи публичныхъ лекцій при университетѣ, кажется, Як. Як. Вальцу, но хорошо помнимъ, что лекціи всегда были переполнены публикой; много посѣщало лекціи студентовъ и еще больше женщинъ и дѣвушекъ. Лекціи излагались хотя и научно, но популярно; выслушивались съ живымъ интересомъ и записывались. На этихъ же лекціяхъ студенчество сближалось съ „прекрасной половиной человѣческаго рода“, и въ этомъ смѣшанномъ обществѣ самымъ серьезнымъ и оживленнымъ образомъ трактовались темы, бывшія предметомъ публичныхъ чтеній. Здѣсь-то, на этихъ лекціяхъ, наши „псевдо-Рудины“ чувствовали себя, какъ нельзя лучше, и „улавливали“ своихъ поклонницъ и поклонниковъ.

Изъ профессоровъ, читавшихъ публичныя лекціи, большой извѣстностью и популярностью пользовались г.г. Хржонщевскій (медикъ), Алексѣевъ (химикъ) и многіе другіе.

Публичныя лекціи имѣли полный и заслуженный успѣхъ, и за чтеніе ихъ нельзя не высказать „великой“ благодарности профессорамъ нашего университета; нельзя не благодарить ихъ за тотъ свѣтъ и интересъ къ наукѣ, которые они вносили въ интеллигентную общественную среду, такъ жадно въ данное время интересовавшуюся научными вопросами по предметамъ естествознанія. Бывшіе слушатели профессорскихъ публичныхъ лекцій всегда и съ глубокой признательностью вспоминали этихъ безкорыстныхъ тружениковъ науки, дѣлившихся съ публикой своими знаніями и разъяснявшихъ ей непонятныя вопросы по интересующимъ предметамъ научныхъ знаній. Благодаря публичнымъ лекціямъ, и студенты не ограничивались изученіемъ своихъ профессиональныхъ предметовъ, но, какъ уже сказано было выше, съ охотой и съ живымъ интересомъ углублялись въ изученіе и приобрѣтеніе полезныхъ свѣдѣній и по предметамъ естествознанія.

Указавъ въ общихъ чертахъ на главныя явленія и факты изъ „былого“ жизни Кіевского университета 70-хъ годовъ, мы, въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о нашихъ окончательныхъ экзаменахъ и курсовыхъ сочиненіяхъ. Такъ какъ выпускными экзаменами подводился общій итогъ профессиональнымъ знаніямъ студента, который онъ, предполагалось, долженъ былъ вынести изъ „храма науки“, въ теченіе четырехлѣтняго въ немъ пребыванія, то и экзамены эти были гораздо серьезнѣе полукурсовыхъ, да и профессора къ оканчивающимъ курсъ студентамъ предъявляли болѣе „повышенныя“ и строгія требованія. Другое отношеніе къ выпускнымъ экзаменамъ трудно было, конечно, и допустить, разъ студенту долженъ былъ быть выданъ аттестатъ „университетской зрѣлости“.

Сами студенты, сознавая большую важность окончательныхъ курсовыхъ испытаній, готовились къ нимъ серьезнѣе и заблаговременно, при чемъ, не ограничиваясь штудированіемъ предметовъ по которымъ предстояли экзамены, просматривали изъ пройденныхъ раньше курсовъ такіе ихъ отдѣлы, изъ которыхъ на экзаменахъ можетъ быть предложенъ случайный вопросъ, потребоющій отвѣта. Въ свою очередь, профессора въ вопросахъ, предлагавшихся на окончательныхъ испытаніяхъ, не только касались темъ, относящихся къ данному предмету, но интересовались и общей научной подготовкой испытуемаго, обращая вниманіе, главнымъ образомъ, на культурное развитіе даннаго лица. Относились такъ къ студен-

тамъ на экзаменахъ лишь тѣ изъ профессоровъ, которые во время производства испытаній не обременяли своей головы ни „банковскими“, ни „думскими“ думами... Случайныхъ вопросовъ на экзаменахъ болѣе всего боялись наши студенты изъ „потрошителей“ профессорскихъ записокъ, и нерѣдко случалось, что на этихъ общихъ вопросахъ они и проваливались, несмотря на отличное знаніе содержанія „вынутаго билета“. Бывали и такіе чудаки среди насъ, что, ничего не дѣлая въ теченіе курса по факультетскимъ предметамъ, передъ выпускнымъ экзаменомъ просиживаютъ бывало по 13, 14 часовъ въ сутки въ теченіе полугода за приготовленіемъ къ экзамену. Подобная непосильная усидчивость надъ лекціями оканчивалась для многихъ нашихъ товарищей полнымъ нервнымъ расстройствомъ организма, ослабленіемъ и притупленіемъ умственныхъ способностей (Ю. Кр—скій, Ч—овъ). Окончательные экзамены намъ, юристамъ, можно было держать по выбору въ два срока—или до каникулъ, въ маѣ, или послѣ каникулъ,—въ августѣ. Кто къ какому сроку рассчитывалъ закончить подготовку къ экзамену, въ тотъ срокъ и выступалъ со своимъ „научнымъ грузомъ“ для „генеральной“ его повѣрки. На окончательныхъ экзаменахъ участвовалъ тотъ же грозный Р—фъ, и основательно спрашивалъ по своему предмету Кистяковскій. Мы на этихъ экзаменахъ, понятно, сильно волновались, такъ какъ „проваль на нихъ“ приносилъ намъ „большой конфузъ“, разочарованіе въ своей культурной и профессиональной пригодности для практической жизни, да и жалко было лишній годъ оставаться въ университетѣ и разбивать свои радужныя „передъэкзаменныя“ мечты и иллюзіи...

Обращаясь къ нашимъ курсовымъ сочиненіямъ, замѣтимъ, что обстоятельно разрабатывались факультетскія темы въ сочиненіяхъ студентовъ только тѣми изъ нихъ, кто рассчитывалъ эти сочиненія „повернуть“ со временемъ въ кандидатскія диссертациі или еще съ первыхъ курсовъ стремился къ ученой карьерѣ; большинство же студентовъ смотрѣло на эту работу, какъ на пустую формальность; едва-ли не такъ же формально смотрѣли на наши письменныя работы и сами профессора. Не будемъ далѣе говорить о стипендіяхъ, наградахъ студентовъ за работы и другихъ подробностяхъ университетской ученой жизни, такъ какъ эти стороны ея имѣютъ оффиціальную исторію, а мы старались набросать здѣсь лишь общія черты изъ жизни ея неоффиціальной, которая-то по преимуществу и оставляетъ по себѣ глубокій слѣдъ во всей послѣдующей жизни бывшаго студента. Моральное вліяніе бывшей „alma mater“ на cadaго ея питомца такъ сильно и глубоко, что всякій изъ насъ, сдавъ послѣдній выпускной экзаменъ, испытываетъ

сперва естественный приливъ радости, вызываемый благополучнымъ окончаніемъ труднаго дѣла; но въ скоромъ же времени проявляются и симптомы хандры, безпричинной тоски; начинаетъ охватывать тебя грустное сожалѣніе о томъ, что настаетъ конецъ славной студенческой жизни, конецъ лучшей поры молодости: разбредется по „бѣлому свѣту“ милое товарищество; порвутся, подъ вліяніемъ запросовъ практической жизни, умственная и моральная связи съ дорогой и „alma mater“, и самое пребываніе въ ней, въ будущемъ, отойдетъ въ область далекаго прошлаго, но, несмотря на все это, бывшее студенческой жизни всегда и при разныхъ условіяхъ послѣдующей жизни бывшего студента будетъ вспыхивать и горѣть яркой звѣздочкой, какъ что-то милое и дорогое, много говорящее усталому уму и надорванному сердцу. Такъ думалъ каждый изъ насъ, переступая въ послѣдній разъ порогъ дорогаго университетскаго зданія, чтобы вступить на „скользкій путь“ практической жизни...

В. С. Чеважевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

